

*Посвящается Джо
Без тебя слова бессмысленны.*

Глава 1

Декабрь. Рождественские праздники остались позади. Мерзлую землю покрывал тонкий слой снега, хрустящий под ботинками старшего инспектора сыскальной полиции Тиффа Роулинсона. Стоящая посреди прогалины в лесу бревенчатая хижина с высокой каменной дымовой трубой и резьбой в виде сердечек над дверью словно явилась сюда из какой-то волшебной сказки. Шестьдесят лет назад ее построил для своей дочери в качестве летнего домика один из местных землевладельцев, но жилье уже давным-давно было заброшено, и теперь его стены сплошь опутаны вьющимися растениями и облеплены мхом. Уединенное пристанище, возведенное из соображений бесхитростной отцовской любви и так чудовищно оскверненное.

Роулинсон медленно обошел вокруг небольшой бревенчатой постройки, заложив руки за спину и подняв воротник куртки, поверх которой был надет белый синтетический комбинезон. Поблизости с нерешительным видом перемещались эксперты-криминалисты, стараясь ничего ненароком не затоптать. По периметру прогалины, огораживая ее, была натянута бело-голубая лента. Роулинсон слишком часто наблюдал подобные картины, видел слишком много трупов и плачущих близких, однако редко был свидетелем того, как убийц

привлекали к ответу. Теперь, глядя на такие сцены, он почти ничего не чувствовал. Все это до того знакомо, что он перестал ощущать боль.

Но только не здесь, не в этом лесу.

В этом лесу чувства вернулись, и ему снова стало не по себе. Инспектор приблизился к входу в хижину и, пригнувшись, вошел внутрь. Воздух здесь был затхлый и спертый. Он поискал в кармане куртки ингалятор и почувствовал некоторое облегчение, нащупав знакомую пластиковую трубку и наконечник металлического контейнера. Роулинсон больше не ощущал царящего повсюду пронизывающего холода.

В комнате не было никого, кроме потерпевшего. И мясных мух, вьющихся вокруг того, что от него осталось. Его запрокинутая голова свисала назад со спинки деревянного стула, глаза и рот были широко раскрыты. Кожа пожелтела и сморщилась — как объяснили Роулинсону, это реакция на яд, и теперь он понял реплику одного из экспертов: «Бедный ублюдок выглядит так, будто из него высосали душу».

Убитый был совершенно наг, и его руки покрывали глубокие рваные раны, но это было ничто по сравнению с тем, как выглядела его грудь. Содранный верхний слой плоти висел, обнажая темно-красное переплетение сосудов и мышц. На нижней части тела виднелись такие же раны, но его покрывала такая толстая корка крови, что трудно точно сказать, где плоть содрана, а где нет.

— Господи Иисусе, — потрясенно выговорил кто-то за спиной Роулинсона.

Он обернулся и увидел Хардвика. Тот стоял в дверях, прижав ладонь ко рту.

— Что это за чертовщина, шеф?

Сержант Хардвик был на целый фут ниже своего начальника, но его дородное тело все равно словно заполняло собой небольшое пространство хижины.

Типичный городской парень, любит поважничать, но, несмотря на полное отсутствие обаяния, полицейский вполне неплохой.

— Все эти повреждения он нанес себе сам, — тихо пояснил Роулинсон.

— То есть сам содрал с себя кожу, да, босс?

Роулинсон еще внимательнее взгляделся в убитого. Гиперсаливация — повышенное отделение похожей на пену слюны, такое сильное, что покойный оказался не в состоянии остановить этот процесс и просто глотал ее. В какой-то момент он засунул в рот кулак, пытаясь вызвать рвоту, но вместо этого в конечном итоге едва не откусил себе руку.

— Содержащийся в яде алкалоид вызывал невообразимую боль, и это продолжалось много часов. Чтобы покончить с ней, потерпевший попытался разодрать свою плоть.

— Но зачем?

— Затем, чтобы добраться до сердца, Хардвик. Это был единственный способ прекратить муки.

Тремя часами ранее сэр Филип Рен сидел в кабинете своего дома в Кенте, его желудок переваривал куриное мясо и портвейн, а в мозгу теснились фразы прочувствованной речи, которую предстояло произнести, когда королева будет вручать ему орден Британской империи. Ему позвонили только вчера и совершенно конфиденциально сообщили, что Комитет по присуждению почетных званий решил в своем новогоднем списке награждений отметить заслуги нынешнего генерального прокурора как на ниве юриспруденции, так и на службе правительству ее величества. Наконец-то его общественное служение, которому он посвятил всю свою жизнь, будет соответствующим образом вознаграждено, подумал тогда Рен и последние двадцать четыре часа провел в состоянии эйфории.

Но его ликование не суждено было продлиться долго — теперь он находился в Южном Уэльсе, озябший, встревоженный, страдающий от головной боли.

Все было именно так, как он и ожидал: поляна в лесу, оккупированная бригадой криминалистов. Голубой свет мигалок на крышах полицейских машин. Витающее в воздухе чувство неопределенности. И посреди всего этого — маленькая бревенчатая хижина с вырезанными над дверью сердечками.

Опять. Это произошло опять.

Ему сказали, что детектив, который ведет дело, — человек компетентный. Он нисколько не сомневался, что так оно и есть, но если опасения Рена подтвердятся, это убийство недолго останется в ведении какого-то местного детектива. Когда он увидел Роулинсона, тот вместе с еще одним полицейским стоял возле двери хижины, глядя на генерального прокурора с такой же тревогой, какую он за последние годы видел на лицах всех детективов, расследовавших подобные дела. Он их не винил. Если бы он мог, он предоставил бы им делать свою работу и дальше, не вмешиваясь в процесс, — но он не мог этого сделать. Только не в этом деле.

Он пересек поляну и подошел к двери хижины, ощущая на себе вопросительные взгляды.

— Филип Рен. — Он протянул руку, и детектив крепко ее пожал.

— Старший инспектор Роулинсон. Мы не ожидали, что к нам сюда приедет сам генеральный прокурор, сэр. Если это дело изымается из нашей юрисдикции, то я...

— Нет, вовсе нет. Никто не собирается наступать ни на чью-то мозоль, старший инспектор, и не покушается на ваши полномочия.

Это была неправда. Существовала особая оперативная группа, специально созданное подразделение Отдела по борьбе с внутренним экстремизмом, которому предстоит взять расследование этого дела на себя. Под-

разделение секретного специализированного отдела столичной полиции.

— Тогда я не понимаю...

— Могу ли я осмотреть тело, инспектор Роулинсон?

Роулинсон переступил с ноги на ногу. Генеральный прокурор прибыл на ягуаре XJ в сопровождении небольшой группы мужчин, одетых в темные костюмы. Сейчас, собрав вокруг себя всех членов криминалистической бригады, они раздавали им на подпись соглашения о неразглашении конфиденциальной информации. Криминалисты были явно озадачены. Секунду поколебавшись, инспектор отступил в сторону.

Прежде чем войти в хижину, Рен жадно вдохнул морозный воздух. Его уже мутило. Совершенно не хотелось видеть это зрелище вновь.

Роулинсон остался стоять в дверях, засунув руки в карманы и с любопытством наблюдая за генеральным прокурором.

Он откашлялся и начал пояснять:

— Яд поступил в организм жертвы через катетер, введенный в вену на запястье, когда покойный, вероятно, был без сознания. Этот яд проникает во все ткани тела, захватывая каждый нерв. Он вызывает нестерпимую боль, но мозг при этом так перегружается, что не может отключиться. По-видимому, эта боль длится несколько часов, и за это время потерпевший, как вы можете видеть, изувечил сам себя.

— Есть ли у него что-то во рту, главный инспектор?

Полицейский замялся:

— В каком смысле?

Рен почувствовал, как у него в горле встает ком, мешающий дышать.

— У него во рту, главный инспектор. Есть ли у него что-то во рту?

Роулинсон обернулся, словно полагая, что это может быть какой-то проверкой, и лишь после этого прошелся

по половицам, пока не приблизился к убитому вплотную. Пена вокруг его рта уже начала подсыхать, но все еще стекала каплями по щекам, напоминая белок сырого яйца. Рен молча смотрел, как Роулинсон, наклонившись, заглянул в его раскрытый рот.

— Там ничего нет. — Инспектор выпрямился.

— Посмотрите еще раз.

Роулинсон наклонился над телом еще ниже и взгляделся снова. Рен сжал руки в кулаки. Возможно, Роулинсон прав. Возможно, там действительно ничего нет.

— Погодите, — нахмурился полицейский, доставая из кармана комбинезона пару голубых резиновых перчаток и ручку. — Там и правда что-то есть...

Рен почувствовал, как напряжение в его теле спало, когда Роулинсон снова нагнулся, засунул ручку в рот убитого и осторожно потянул ее обратно.

— Бог ты мой, что это? — Он поднял маленький темный предмет так, чтобы на него упал свет.

Стоявший за его спиной Филип Рен стремительно вышел вон.

Глава 2

6 апреля 1945 года

Концентрационный лагерь Бухенвальд, Германия

Капитан Эйнсуорт стоял перед главными воротами лагеря, и со стороны могло показаться, что сигарета, приклеившаяся к его нижней губе, вот-вот упадет. За последний час проливной дождь успел прекратиться, и из-за пелены туч несмело выглянуло солнце.

Восемьдесят девятая пехотная дивизия прибыла сюда два дня назад. Они были готовы сражаться, но оказалось, что лагерь уже находится в руках восставших узников. Весть о приближении британских и американских войск дошла сюда несколькими днями ранее,

и немцы начали спешно отступать. Система управления лагерем распалась, большинство охранников либо разбежались, либо покончили с собой, и группе узников удалось захватить сторожевые вышки. Эти отважные люди — в основном коммунисты — годами прятали раздобытое оружие и теперь наконец смогли пустить его в ход. Им хватило смелости даже захватить пленных, проявив милосердие к своим надзирателям-нацистам, от которых они не видели ничего, кроме бесчеловечной жестокости.

Люди Эйнсуорта были совершенно не готовы к тому, что ждало их в Бухенвальде. Конечно, они что-то слышали о концентрационных лагерях, и до них доходили слухи о том, что там людей массово травят газом. Адвокат Лемкин, польский еврей, даже придумал для этого новое слово. Геноцид. Но слова — это просто слова. Так что Эйнсуорт был не готов, совсем не готов к тому, что на его глазах одного из узников лагеря охватит такое невероятное облегчение от освобождения из этого ада на земле, что он рухнет замертво прямо у его ног.

Сначала они увидели чехов. Тысячи человек были втиснуты в бараки, предназначенные всего для нескольких сот узников. Раздетые почти донага, в одних набедренных повязках, они замерзали и медленно умирали. От постоянного недоедания их тела были так истощены, что почти утратили человеческий облик. Ходячие мертвецы с изжелта-бледной кожей, которая рвалась, как бумага, и так туго обтягивала их кости, что Эйнсуорт ясно видел каждое ребро.

Собрав последние силы, узники приветствовали солдат и офицеров восьмьдесят девятой пехотной дивизии как героев. Они были до того слабы, что едва могли ходить, и все же каким-то образом ухитрились поднять нескольких пехотинцев на руки — хотя эти крепкие парни весили немало — и с триумфом пронести их вокруг лагеря. Смущаясь, но ни за что не желая

обидеть узников, солдаты нехотя позволили им нести себя, хотя некоторые из тех, кто их нес, падали наземь, не выдерживая таких усилий.

Узников свезли сюда из многих стран — кроме чехов, здесь были поляки, граждане Советского Союза, французы, хорваты. Среди них были и женщины, многих из которых принуждали удовлетворять похоть немцев в лагерном борделе. Эйнсуорт испытал особое удовлетворение, обнаружив среди освобожденных нескольких своих: американских летчиков, а также летчиков-британцев, сбитых над территорией оккупированной Франции. Фальшивые документы, которыми их снабдили перед вылетом и которые, как предполагалось, должны были облегчить им передвижение по оккупированной территории, сослужили летчикам плохую службу. При захвате в плен нацисты обошлись с ними не как с военнопленными, а как со шпионами и отправили в Бухенвальд вместе с евреями.

Евреи. Целый народ, всех представителей которого нацисты объявили «дармоедами».

За спиной Эйнсуорта кто-то вежливо кашлянул. Капитан был так поглощен собственными мыслями, что не заметил, как сзади к нему приблизился капрал Хендерсон. Хендерсон был хорошим солдатом и к тому же весьма сообразительным малым для пехотинца, но, как и весь остальной личный состав, сейчас был бледен и выглядел больным.

— Это первая часть списка, сэр. — Хендерсон протянул Эйнсуорту несколько листов бумаги.

Тот взял их, но читать не стал. Вместо этого он оглядел горизонт, потом перевел взгляд на поваленные лагерные ворота и наконец на то место территории лагеря, где лежала табличка, сорванная со стены и втопанная в грязь. «*Arbeit macht frei*». «Труд делает свободным».

Чуть погодя Хендерсон сказал:

— У нас не хватает лекарств для этих людей, сэр. Они умирают, и мы никак не можем этому помешать.

— Даже если не получается остановить кровотечение, это еще не значит, что надо оставить попытки это сделать, — угрюмо заметил капитан. Его мутило — таблетки хлора, которые все они добавляли в питьевую воду, явно не шли ему впрок. Немного помолчав, он сказал: — Все это не имело никакого смысла, верно, Хендерсон?

— Простите, сэр?

— Гитлер уже много месяцев назад знал, что проигрывает войну. Его вторжение в Россию обернулось для него крахом. Ему нужны были силы и средства, но он приказывал в первую очередь пропускать поезда, везущие евреев в лагеря смерти, а вовсе не военные эшелоны. Эшелоны, перевозящие танки, солдат, оружие и боеприпасы, — хотя они могли бы существенно изменить расклад. Это не имело абсолютно никакого смысла.

— Ходят слухи, что они приносили человеческие жертвы старым скандинавским богам, сэр.

— Вы думаете, это правда, Хендерсон?

Солдат замялся:

— Может, и правда, сэр.

— А вы видели пушку «Дору» по дороге сюда?

— Мы все ее видели, сэр.

«Дору» бросили немцы при отступлении, но хотя при ней и не было орудийного расчета, солдаты восемьдесят девятой дивизии испытывали немалые опасения, приближаясь к этому огромному орудью на железнодорожной платформе. Оно весило 1350 тонн, и чтобы повернуть его гигантский ствол в нужную сторону, требовался двухколейный путь. Дивизионные техники сомневались, что пушка и впрямь готова к бою, однако, по их оценкам, дальность ее стрельбы превышала сорок пять километров.